15.7.99

Вульф Том

Культура

Мастерство

Том Вульф: человек, который любит, чтобы его замечали

За рубежом. — 1999 — 15–21 июля (№ 27). — С. 10

Джордж КРЕЙГ,
"Санди таймс", Лондон.

Человек совсем не в ослепительно белом костюме, каким привыкли его лицезреть в массовых изданиях и в выпусках ТВ, а в скромной безликой темно-синей куртке и в бейсбольном "кепаре", почти скрывающем лицо, – так вот, человек этот был Том Вульф. Словно бы крадучись, брел он по нью-йоркской Мэдисон-авеню, явно желая, чтобы никто его не узнал. Да, более десяти лет минуло с момента выхода в свет его последней книги-бестселлера "Костер тщеславия", а новая книга, по сути продолжение той, не вытанцовывается. И самый знаменитый писатель сегодняшней Америки пребывал попросту в страхе, что ему никогда не удастся закончить следующий роман.

Стресс со всей силой давал знать о себе, не говоря уже о том, что он получил аванс в 7,5 миллиона долларов. "Я просто не в силах был встречаться с людьми, которых знал, и, естественно, ждать неизбежного вопроса: "А как дела с книгой идут?" Или еще хуже – если тебе вообще ни одного вопроса не зададут", – вспоминает писатель эти отвратительные долгие дни. Воспоминаниями он делится в своих обширных апартаментах – 12 комнат на 14-м этаже небоскреба с видом на восточную часть Манхэттена.

Но, слава Богу, все страхи в прошлом. "Человек в целом" увидел свет, и первоначальное издание вышло тиражом 1,2 миллиона экземпляров – еще один рекорд в американской беллетристике для художественного романа. Сейчас Вульф спокоен и доволен. Деньги получены, книга – вот она, и репутация его плюс продажа романа – на высоте. И его герой, герой романа, репортер в Атланте, где происходит действие, делится своими впечатлениями, по сути впечатлениями автора, о тамошней жизни. В романе жестко, безжалостно воссоздается жизнь в Атланте, это – эпическое полотно, где нашему взору предстают герои разных рас, юристы, бизнесмены, футболисты, жулики, а в центре повествования – Чарли Крокер, 60-летний магнат в сфере недвижимости, и Конрад Хенсли, ему 23 года, пребывающий на периферии империи Крокера. Месяцами Вульф изучал и наблюдал житье-бытье

супербогачей и тех, кто не попал в их число, а также убогий быт обитателей местных тюрем и работяг-иммигрантов на здешних фабриках. Смело и уверенно Вульф воссоздает картины здешней жизни, повторяя каноны художественной литературы викторианских времен и, в частности, следуя заветам своих любимых писателей Диккенса и Золя. Перед нами предстают люди и ситуации, символизируя расслоение американского общества, как это делали два великих европейских романиста в прошлом столетии.

Стремление преуспеть в жизни, добиться намеченного, "сделать себя" – это одни из определяющих черт американского общества, и Вульф, как свидетельствует его новый роман, остается его самым видным из живущих хроникером и бытописателем. Его книги – о людях, рвущихся вверх, или о тех, кто пошел ко дну, о тех, кто стремится идти с максимальной скоростью, и о тех, кто терпит крушение. Вульф, начинавший свою карьеру репортером газеты "Спрингфилд Юнион", открыл двери для целого поколения американских журналистов и доказал, что в одно и то же время вы можете быть и таинственны и непонятны, изысканны и изящны, и в то же время и правы и справедливы. Уверенность и способность давать четкие, объемные определения и характеристики, ухватить дух века, своего времени отличают этого автора среди всех прочих. Он как бы в себе самом аккумулирует дух времени. О космонавтах зачастую отзываются, как о людях, заключающих в себе то, что можно назвать Righ Stuff, сделанных из настоящего материала. Самые ярые поклонники Вульфа, зная его пристрастие к белым костюмам, именуют Вульфа White Stuff.

Недавно "Санди таймс" торжественно поздравила Вульфа и присудила ему премию за выдающееся литературное мастерство. Он был весьма признателен, поскольку такой автор, как он, довольно часто становится – и несправедливо – объектом высокомерных насмешек со стороны своих старших собратьев. Его грубо третировали такие литературные гранды, как Джон Апдайк и Норман Мейлер. Да, конечно, он неплохой журналист, говорят они, но писатель?! Романист?! Ну уж нет, это наша территория. Это бесспорный снобизм, нежелание отдать должное его мастерству, как одного из лучших новеллистов, попытка принизить роль человека, придавшего новую энергию, уверенность и популярность американской художественной литературе, а до того во многом преобразившего отечественную журналистику.

Последний год выдался трудным, даже мучительным для писателя, и воспоминания о том, как шел его последний роман, по-прежнему болезненны. "Понимаете, постоянный, непреходящий стресс. Если бы только мне удалось сделать дело за две недели, но... не мог, не получалось, – вспоминает автор. – И чем дольше все это тянется, тем большие ожидания ты возлагаешь на конечный результат. Я начинал в 9 утра и старался уложиться до ланча. А случалось так, что уже четверть первого, а я из себя и слова выжать не мог.

Но ухабы в творческом процессе – еще не самое худшее, что его ожидало. Здоровье стало подводить, слишком большие и физические, и нервные перегрузки ощутимо напоминали о себе. Потянулось вверх давление. И если бы не помощь и разумные советы его консультанта в гимнастическом зале, который он посещает регулярно, Вульф, по его словам, уже давно ушел бы в мир иной. Оценивая трезво, реалистически то, что с ним произошло в результате творческих перегрузок, он обращается к... Диккенсу. "Диккенс, – замечает Вульф, – не уставал повторять, что вам нужна получасовая разминка на каждый час пребывания за письменным столом. Пожалуй, он был прав, хотя сам ушел из жизни в 58 лет. Он любил ходить и был в этом отношении просто поразителен – 5 миль в час, представьте себе. Считается, что одно из преимуществ такого рода физических упражнений, физической нагрузки в том, что в это время вы не думаете о своих проблемах. Это не так. Занимаясь аэробикой или усаживаясь на велосипед, я ни о чем другом не думал, кроме своей книги и как закончить ее".

Том Вульф в журнале "Тайм".

Одна из приятных неожиданностей от встречи с Вульфом – обнаружить и ощутить спокойствие, умиротворенность, которые словно бы излучает его стройная, высокая, изысканная фигура, фигура дэнди, интонация его речи, речи южанина, мягкая и спокойная. Буквально брызжущий динамизм, энергия его прозы в речи самого автора отсутствуют полностью. Он от природы деликатен, ироничен, элегантен, предельно сдержан – одним словом, таков, каким может быть лишь джентльмен южных штатов, разливающий китайский чай в своей гостиной на Манхэттене.

Родившийся в 1938 году в Ричмонде, штат Виргиния, Томас Кеннерли Вульф всегда мечтал стать писателем, может быть, наблюдая своего отца, фермера и агронома, который пописывал в местный журнал "Южный плантатор". "Сам этот процесс – от написанной от руки страницы до отпечатанной страницы – всегда мне представлялся неким волшебством", – вспоминает Вульф. И его мечты, его амбиции были всегда высокого уровня. "В 9 лет я попытался написать биографию Наполеона, – рассказывает собеседник. – Я сочинил своего рода комикс-очерк о жизни Моцарта. Причина, почему они понравились мне, была в том, что оба были маленького роста. В свои 9 лет я тоже был маленький. Мне Наполеон казался ребенком, который завоевал весь мир. А Моцарту было всего 10 или 11 лет, когда он дал свой первый концерт. Большой дар, когда призвание проявляется в ранние годы", – замечает Вульф.

И продолжает: "Впервые я осознал абсолютную мощь печатного слова, читая спортивные страницы газет. Как и большинству американских мальчишек в школьные годы, мне до смерти хотелось стать спортсменом. Спортивные страницы были единственными в газетах, которые позволяли писать интересно и красиво, захватывающе, и это меня поражало". Он быстро нашел себя, уверенности ему было не занимать. "С самого начала мне стало ясно, что я чувствую музыку слова. Большинству молодых начинающих авторов абсолютно нечего сказать, и это был как раз мой случай. Но если вы способны услышать и "сделать" музыку из того или иного сочетания слов, то на этой стадии вы обычно приходите к выводу, что гений в писательском бизнесе – это 95 процентов вы сами, а 5 процентов – материал. Став постарше, я полагаю ныне, что 25 процентов приходится на ваш талант и 75 – на сам материал о том, о чем вы пишете. Отсюда в моих романах такой акцент на подробных репортажных кусках". И эта его отличительная манера письма смущала учителей Вульфа, свои эссе он выдавал в манере Хэмингуэя. "Я пришел к выводу, что так можно показать себя, привлечь внимание, пустить пыль в глаза". Вульф давно осознал силу литературы, печатного слова, в частности современного романа. "Еще в юные годы я следовал литературными маршрутами Дж. Фаррелла, Хэмингуэя, Джеймса Джонса, Нормана Мейлера среди прочих", – говорит он. Но именно группа советских писателей, образовавшаяся вокруг Максима Горького, известная как "Серапионовы братья", именно они стали образцом выработанного Вульфом стиля. Одна вещь поразила его, она принадлежала перу Бориса Пильняка, советского писателя, которого Сталин упрятал за решетку, а в 1941 году его расстреляли. В этом произведении автор с пронзительным криком обращается к русским просторам, полям пшеницы, к травам в человеческий рост... "Я последовал этой манере и сделал материал для "Нью-Йорк мэгэзин" о женской тюрьме. И убедился, что такой стиль, такое начало для рассказа сразу привлекают внимание".

Прорыв к славе Вульф совершил, в общем, случайно, когда его послали в Лос-Анджелес – сделать репортаж, и он так тянул со сдачей, присылкой материала, что редактор попросил прислать хотя бы наброски, чтобы включить в подходящую статью. В итоге все его наблюдения и заметки были опубликованы от слова до слова и стали основой первой книги Вульфа. Случилось сие в 1963 году, и именно тогда 33-летний Вульф весьма успешно способствовал рождению стиля – репортажной подачи материала, которая соединяла в себе пренебрежение к условностям, была, скажем так, непочтительной, разговорность и – революционность.

Если бы у Вульфа была некая философия, то она свелась бы к следующему постулату: писатели, авторы должны быть репортерами. "Я стремлюсь распространять свое знаковое слово – о детальной реалистичности в подаче материала, и как это электризует литературу. Меня часто спрашивают, зачем нам давать репортажи, коль скоро все уже сделали телевидение и пресса? Зачем нам все это повторять? Но если пресса сработала так хорошо, я, как автор, как новеллист, скажу о'кей, если они сработали так хорошо, то ты должен сделать еще лучше".

Вульф высмеивает магию реализма во имя реализма, а по сути оторванность от жизни. "Для меня это – закупорить самого себя, отключить электричество. И нет в мире лучшего метода писать, чем сообщать, рассказывать о том, что ты видишь (на фото Вульф берет интервью к Дж. Ф. Кеннеди в 1958 году). Здесь вы добьетесь преимущества". И ему нравится высмеивать то, что он именует новым платьем короля, которое мелькает в столь многих романах. "Литературный автор в наши дни стремится доказать, что он достаточно труден для восприятия и потому может претендовать на звание серьезного автора, – говорит он. – И если читатель не в состоянии переварить 30 страниц и бросает книгу, считают они, тем хуже для читателя, это его проигрыш, он сам виноват. Снова и снова эти люди устраивают истерики по части того, что аудитория их отвергает, – в попытке доказать, что они и есть чистая литература", – с презрением заключает Вульф.

Его забавляют стычки с литературным истеблишментом. "Людей вроде Апдайка злит, что я появляюсь на обложке "Тайма". Сегодня очень редко писатели попадают туда, – замечает Вульф. – Думаю, что и Нормана Мейлера это не порадовало. А я там – в своем белом костюме. "Тайм" даже изменил цвет букв, впервые они в этом журнале белого цвета. Для таких пожилых людей все это уже слишком. Затем они напишут рецензии на мой роман, представляю всю эту энергию... За всеми этими нападками – элемент ревности. В конце концов у Апдайка вышла книга, о которой никто ничего не знает. И у Мейлера вышла книга, не помню названия, автобиография Иисуса, продано около 700 экземпляров, в основном – библиотекам... Полагаю, эти двое думают, что если то, что пишу я, воспринимается как направление в литературе или даже как литература, то их поджидает большая беда. Мейлер проводит грань между литературой и бестселлером. Если так, думаю, что мой последний роман – чистая литература, судя по продажам. И их позиция удивила бы Диккенса или Шекспира".

Ему нравится цитировать Марка Твена, тот говорил: последнее, чего я хочу, чтобы на меня изо всех сил глазели. Но я хочу, чтобы меня замечали. У Тома Вульфа практически нет повода испытывать хоть какое-то опасение, что его не заметят.

317